

Финдейзен Николай Федорович

**Очерки по истории музыки в
России с древнейших времен до
конца XVIII века**

Том 1. Выпуск III

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н63

Н63 **Николай Федорович Ф.**
Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII века: Том 1.
Выпуск III / Финдейзен Николай Федорович – М.: Книга по Требованию, 2025. – 174 с.

ISBN 978-5-521-28312-5

ISBN 978-5-521-28312-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Schilderungen
aus der Geschichte der Musik in Russland

von der ältesten Zeit bis
zum Ende des XVIII Jahrhunderts

von

NIC. FINDEISEN

ERSTER BAND
THEIL III

СОДЕРЖАНИЕ

	Стран.
VIII. Музыка в древней Москве (XV—XVI вв.)	237—254
IX. Музыка в монастыре (XVI—XVII вв.) — Чаши. — Колокольный звон. — Духовные действия	255—306
X. Музыка в московской придворной жизни XVII в.	307—324
Государевы певчие дьяки. — Иностранцы на русской службе. — Начало театральных представлений на Руси.	
XI. Краткий словарь певчих дьяков, композиторов и теоретиков XVI—XVII вв.	325—336
XII. Музыка и театр начала XVIII в.	337—364
Русские путешественники за границу конца XVII и нач. XVIII вв. — Театральные представления. — Приезжие музыканты. — Музыка в придворной и общественной жизни.	}
Примечания	XXI—XXXVII
Алфавитный указатель I тома	XXXVIII—XLVI
Нотное приложение	XLVII—LVIII

VIII. МУЗЫКА В ДРЕВНЕЙ МОСКВЕ (XV—XVI вв.).

За весь начальный период, когда стало слагаться и постепенно укрепилось Московское государство, поглотившее в конце концов и удельные княжества, и прежние вольные города, — мы имеем слишком мало выясненных фактов и памятников, открывающих положение музыкального дела при дворе и в древнейшем московском обществе. Исключение, до известной степени, составляют рассмотренные нами письменные памятники церковно-певческой практики. Памятники другого рода, как, например, „Задонщина“, воспевающая „подвиги“ Дмитрия Донского, иллюстрированные, между прочим, в пройденных нами миниатюрах, — еще не достаточно исследованы, чтобы говорить о назначении их зачаточной редакции. Дошедшие до нас списки последней свидетельствуют о несомненном влиянии на этот памятник „Слова о полку Игореве“ и даже заимствовании из него („Задонщина“ и сохранила память о „вещанном боярине горазном гудце в Киеве“, т. е. о певце „Слова“), и, в общем, являясь несомненным литературным памятником, все-таки „Задонщина“ в некоторых своих деталях сохранила черты народно-песенного склада, как, например:

Оле! жаворонокъ, лѣтняя птица,
красныхъ дней утѣха,
возлети надъ синіе небеса,
посмотри къ сильному граду Москвѣ,
воспой славу великому князю
Дмитрею Ивановичу
и брату его князю
Володимеру Андреевичу!..

или

О! соловей, лѣтняя птица,
что бы ты, соловей,
пощекоталъ славу великому князю...

или, наконец, заимствованное от певца „Слово о полку Игореве“:

Что шумить и что гремить
рано передь зорями!
Князь Володимеръ Андреевичъ
полки перебираетъ...

Эти детали дают возможность предположить, что „Задонщина“, представляющая похвальную оду победителю Мамаю и воспевающая времена первых князей московских, в первоначальном своем виде, до своей книжной обработки рязанским „старцем Софонием“, могла исполняться и при княжеском дворе, подобно киевскому „Слову“, которому она, несомненно, подражала.²⁹⁷

Старейший список этой поэмы датируется 1470 г. — эпохой княжения Ивана III, вообще чреватой событиями, обозначившими новый уклон в придворной и общественной жизни уже укрепившегося Московского государства. Здесь разумеется не один факт вызова в Москву в 1490 г., в числе других иноземных умельцев, органного игрока — каплана белых чернецов, т. е. монаха Августинова ордена Иогана Сальватора, переименованного здесь Иваном Спасителем. Хотя и этот факт, сам по себе, чрезвычайно показателен: значит, несмотря на все поучения духовенства, в великокняжеские палаты уже издавна проникла заморская хитрость. Появление в Москве органиста совпало с другими, крупными по значению, событиями: московский двор начинает обновлять свой древний уклад новыми, более пышными, формами, заимствуя их даже с заграничных образцов. К таким фактам, например, относится учреждение особой великокняжеской капеллы, давшей в будущем организацию государевых певчих дьяков.

Новые иноземные веяния, обозначившиеся при великом князе Иване III, были вызваны обстоятельствами, сыгравшими крупную роль в жизни древней Москвы. Сношения с иноземными государствами, как западными, так и восточными, — как политического характера, так и торгового и даже как результат паломничества, — эти обстоятельства находили довольно скорый отклик в государственной жизни Москвы. Нужно заметить, что в эту эпоху начались сношения с Италией, тогдашей Германской империей (вернее — с Австрией), Данией, на юге и востоке — с Хивой, Бухарой и Турцией; даже иверский (грузинский) царь Александр просил у Ивана III покровительства. В 1470-х годах тверитин Афанасий Никитин совершил свое известное путешествие в Индию; оно также, как мы увидим, не прошло бесследно для жизни московского

двора. В эту эпоху Москва стала также обстраиваться великолепными зданиями: строителем их (в том числе и Успенского собора) явился знаменитый болонец Аристотель Фиораванти, которого привез московский посол в Венецию Семен Толбузин, первый русский посол за границу.

Ближайшим следствием этих сношений с Западом явился брак Ивана III Васильевича с греческой царевной Софьей Палеолог, жившей в Венеции и считавшейся наследницей византийских императоров. София прибыла в Москву в ноябре 1472 г., и тогда же было совершено бракосочетание великого князя. Тогда же в старой Москве укоренилась мысль, что Византия, после порабощения ее турками, должна возродиться и воплотиться в Руси. Но, вместе с тем, в сознании старых московских людей укрепилось убеждение, что с этих пор началось изменение старозаветного уклада русской жизни. При сыне Софии, московском великом князе Василии, русский человек Берсень сказал греку Максиму: „Как пришла сюда мати великого государя, то наша земля замешалась“. И далее заметил своему собеседнику: „У нас князь великий обычаи переменял“...

Несомненно, известная обрядность и pompa, существовавшие в придворной жизни византийских императоров, в той или иной мере были восприняты московским двором. В великокняжеских палатах появился, например, трон из слоновой кости, украшенный резьбой греческого образца. На деталях этого трона можно видеть и Аполлона, играющего на лире, и мальчика с небольшим рогом из слоновой кости, и охотничью сцену, где один из охотников трубит в рог, и сцену изгнания копьем музыканта, имеющего в руках опять-таки греческую лиру.²⁹⁸ Вслед затем для московского двора были исполнены бармы, одна из деталей которых представляет целую сцену музыкального содержания — царя Давида, играющего на арфе, и нескольких музыкантов с инструментами вполне западно-европейского происхождения: цитрой, лютней, смычковым ребабом, тремя разнородными трубами, маленькими литаврами и тамбурином.²⁹⁹ Но наибольший интерес для нас представляет появление в Москве органиста Иогана Сальватора, прибывшего сюда, как было указано, в 1490 г. Его привез из Рима брат великой княгини Софии в числе других иноземных умельцев.³⁰⁰ Что появление западного музыкального инструмента не было единичным фактом в Москве, доказывают „Записки о Московии“ англичанина Джерома Горсея, посланного в Москву с подарками английской королевой Елисаветой в 1586 г., почти через 100 лет, при сыне

Грозного Федоре Ивановиче: „Царицу, — пишет Горсей, ³⁰¹ — также пригласили смотреть вещи; она особенно удивлялась органам и клавикордам, позолоченным и украшенным финифтью, чего она никогда прежде не видывала; она дивилась их громкому и музыкальному звуку. Народ (будто бы) тысячами толпился около дворца; ему также хотелось послушать музыки. Мои люди, — добавляет Горсей, — которые умели играть на инструментах, допускались часто в такое общество, куда я сам не мог входить“... ³⁰² В царствование Елисаветы, как известно, музыка процветала в Англии, и мы знаем ряд выдающихся композиторов, создавших местную школу и вскоре затем (1625 г.) составивших известный в истории музыки нотный сборник *Fitzwilliam Virginal-Book*, ошибочно приписываемый инициативе самой королевы Елисаветы. Этот сборник содержит 416 пьес для виржиналя (небольшого спинета с перышками) Джона Булля, Вильяма Бёрда, Томаса Морлея, Т. Филипса, Дж. Даулена и др.; некоторые пьесы этих композиторов, повидимому, и исполнялись при дворе Федора Ивановича в Москве.

Заметим также, что появление при московском дворе заграничных органов (а мы знаем, что таковые входили и в обиход дворцовых церемоний византийских императоров), вскоре отозвалось на художественной практике русских миниатюристов. В пройденных нами миниатюрах новгородских мастеров — и в Макарьевских четых минеях, и в Годуновской псалтири 1594 г. можно встретить целый ряд подобных изображений, появление которых теперь для нас объясняется.

Не лишены интереса для нас записки о путешествии Афанасия Никитина в Индию, совершенном им вскоре после переселения греческой царицы в Москву, именно во второй половине XV в. Афанасий был родом тверитин и описал свое „грешное хождение за три моря“ во время княжения Михаила Борисовича, последнего великого князя тверского (1461—1485). Он ехал по Волге, и побывал за Дербентским, Индийским и Черным морями, по тогдашней номенклатуре. Вот как он описывает свое пребывание на Востоке:

„Въ Бедери ихъ столъ (престол) Гундустану Бесерменьскому, а градъ есть великъ... А земля людна велми, а сельскыя люди голы велми, а бояре силны добръ и пышны велми; а все ихъ носить на кроватѣхъ своихъ на серебряныхъ, да предъ ними водятъ кони въ снастехъ золотыхъ до 20, а на конѣхъ за ними 300 человекъ, а пѣшихъ 500 человекъ, да трубниковъ 10, да нагарниковъ 10 человекъ, да свирѣльниковъ 10 человекъ. Султанъ же выѣзжаетъ на потѣху съ матерью да съ женою, ино съ нимъ человекъ на конѣхъ 10 тысящъ,

а пѣшихъ 50 тысящъ, а слоновъ водять 200 наряженныхъ въ доспѣхъхъ золоченыхъ, да предъ нимъ 100 человекъ трубниковъ, да плясцовъ 100 человекъ“...

Рассказывая о детях, плененных „гиндустанцами“, Афанасий сообщает, что „оныхъ учать базы миканетъ“, т. е. играть и танцовать. Об охране какого-то военачальника Меликтучара Афанасий говорит, между прочим: „да на всякую ночь дворъ его стерегутъ 100 человекъ въ доспѣхъхъ, да 20 трубниковъ, да 10 нагаръ, да по 10 бубновъ великихъ по два человека бьютъ“... ³⁰³

Пышность и многолюдность выходов и охраны восточных владык, описанная Афанасием Никитиным, также могла оказать влияние на установление придворных церемоний московского великого князя, при дворе которого появились (и количество их, как мы знаем, постоянно увеличивалось) и трубники, и нагарники (литавристы), и набатники, бывшие в громадные барабаны („бубны великие“). Это усиление декоративной пышности сказалось в обиходе московского двора еще в другом отношении: в учреждении особой придворной капеллы, члены которой назывались государевыми певчими дьяками.

Время учреждения великокняжеской капеллы не установлено точно. Исследовавший прошлое государевых певчих дьяков, Д. В. Разумовский о первом периоде их говорит глухо, — что первоначально дьяки представляли небольшой хор, около 35 человек, постепенно увеличивавшийся и к концу XVII в. достигший 70 человек. Летописи отмечают собственную великокняжескую капеллу при Василии III Ивановиче (1505—1533), разделявшуюся — как и впоследствии — на станицы. Но едва ли не временем учреждения корпорации государевых певчих дьяков, хотя бы в виде капеллы в 30—35 человек (цифра немалая для своего времени, могущая показаться незначительной только с точки зрения слушателя XIX—XX вв.), следует признать эпоху великого князя Ивана III (1462—1505), правнука Дмитрия Донского, заслужившего у некоторых историков титул „великого“ и действительно повернувшего придворную и общественную жизнь древней Москвы на новый путь. Мысль о возрождении Византии с ее придворной пышностью не могла не привлекать этого правителя. Вслед за женитьбой на царградской принцессе, вызывается в Москву знаменитый зодчий Фиораванти, сыгравший здесь в XV в. роль едва ли не аналогичную Растрелли в новой столице Петра в XVIII в. 12 августа 1479 г. был освящен вновь построенный им грандиозный Успенский собор в Кремле, имев-

ший в высоту 55 аршин до купола большой главы. „Бысть же та церковь чудна велми величествомъ, и высотой, и свѣтлостію, и пространствомъ; такова же прежде того не бывала въ Руси, опричь Владимірскія церкви“, ³⁰⁴ — констатирует летописец. Мог ли великий князь при таком новом, колоссальном для своего времени, памятнике церковного зодчества ограничиться исполнением в нем незначительного хора, как прежде? И не должна ли была, в связи с подобным фактом, зародиться мысль об учреждении при дворе соответствующей певческой капеллы?

В старинных актах покуда удалось найти лишь одно имя государева певчего дьяка Ивашки Костица, командированного в качестве пристава на обыск в Медынский уезд по делу об убийстве там зимой 1538—39 гг. ³⁰⁵ Это наиболее раннее упоминание в документах государева певчего. Оно, правда, относится к первым годам царствования Ивана IV, в то время еще опекаемого мальчика, но, несомненно, это известие указывает на то, что Ивашка Костица был старый, заслуженный дьяк и в качестве такового, вероятно, в начале 1530-х годов был награжден приставством. Таким образом, он должен был начать свою карьеру певчего дьяка еще при Иване III (ум. в 1505 г.). Это известие показывает также, что к тому времени в практике великокняжеской капеллы установился уже обычай награждать приставством певчих дьяков за какие-либо особые заслуги или за выслугу лет. Молодой Иван IV в 1551 г. пожаловал „приставством“ своих певчих дьяков Гаврилку Афонасьева, Матюшку Адамова и Митку Царева, а после смерти последнего — Третьяка Зверинцева. Опять-таки подобный обычай мог установиться лишь постепенно, и приставство Костицы в 1530-х годах едва ли не подтверждает наше предположение, покуда не подкрепленное историческими документами, об учреждении государевой капеллы в последней четверти XV в. при Иване III.

Певчие дьяки обязаны были участвовать при богослужениях в дворцовых церквях и сопутствовать государю в его походах. Известно, например, что Грозного его певчие сопровождали и в Новгород, и в Казань, и, как мы видели, постоянно находились при нем в Александровской слободе. Сопровождали они, конечно, и деда Грозного, князя Ивана III во время его посещений, а затем разгрома Новгорода. ³⁰⁶ Дьяки разделялись на станицы; каждая из них заключала обычно пять певчих. Станицы являлись последовательными ступенями в служебной иерархии певчих. Старшими станицами считались первые две; во время богослужения при госу-